

НАТАЛЬЯ КУПРИЯНОВА

За кулисами иллюзий

Наталья Куприянова

За кулисами иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23465602

ISBN 9785448393068

Аннотация

В один из самых обычных дней Ада поняла, что не помнит ничего из событий годичной давности, и виной тому случайные встречи с людьми, твердящими наперебой, что она не та, за кого себя выдаёт. У Ады есть два варианта: забыть обо всём и жить, как прежде, или попытаться выяснить, в чём же всё-таки дело. Не зная, как быть, Ада мечется, наблюдая, как стремительно меняется её спокойная жизнь. И только увидев старопечатную книгу «Via incognita», Ада, наконец, вспоминает, что случилось прошлой весной...

Содержание

1	5
2	17
3	33
4	49
5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

За кулисами иллюзий

Наталья Куприянова

© Наталья Куприянова, 2019

ISBN 978-5-4483-9306-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ада прислонилась щекой к оконному стеклу и вздрогнула: холодок пробежался по всему телу. Но маленькое неудобство всё равно не заставило её выпрямиться. Это произойдёт чуть позже, а пока ни о чём не думая она смотрела на мокрый асфальт, на пустую детскую площадку, на людей под разноцветными зонтами. Ещё пять минут, и она выйдет из подъезда, накинёт капюшон и сольётся с прохожими, в тот же миг став одной из них, одной из тех, кто спешит, потому что боится опоздать, и опаздывает... по вине непогоды.

Пора, сказала себе Ада и отстранилась. Взглянула на часы: времени нет. Лишь две минуты на молчаливый диалог с факсимильным двойником. Скупая на слова и эмоции, зеркальная копия заглянула в глаза и безукоризненно повторила движения и жесты, не допустив ни одной оплошности. Это Ада всё ещё ждёт путешествия в зазеркалье, а та, другая ни за что не променяет свой безграничный удивительный мир на двадцать с лишним квадратных метров жилой площади типовой прямоугольной многоэтажки. *Поменяться местами не получится* – констатировал непреклонный взгляд. Не собираясь выпрашивать милости, Ада вздохнула, взяла сумку и вышла из комнаты, а потом из квартиры, из подъезда на широкую дорогу, где машины обгоняли пешеходов, а люди друг друга.

Холодное мартовское утро гнало к остановке, заставляя ускорять шаг. Хотелось согреться, отогреть замёрзшие руки в карманах и... заледеневшее сердце – увы, не бедного Кая, своё. Почему-то Ада вспомнила именно эту сказку, когда стояла, крепко держась за поручень в душном трамвае, и всматривалась в незнакомые лица пассажиров. Некоторые смущались от пристального взгляда, другие отвечали тем же. Остальные, не обращая внимания ни на кого, смотрели в запотевшие окна и думали о нерешённых проблемах, полузабытых снах, вчерашних разговорах... Обо всём, что наполняет жизнь, не привнося в неё ничего ценного.

Не разглядев ни в ком мало-мальски интригующий персонаж, Ада отвернулась к окну. Читая надписи больших рекламных плакатов, она искала зашифрованные послания, и только появление молодого парня заставило её отвлечься от своего занятия. Нет, ничего примечательного в нём не было, просто Аде надоело искать знамения там, где их нет. Рассмотрев нового пассажира, Ада, едва заинтересовавшись, проводила его взглядом до свободного места рядом с миловидной студенткой. Покрутившись в разные стороны, парень, в конце концов, взглянул на девушку. Какие были сделаны выводы – неизвестно, но недолго думая, он непринуждённо завёл разговор с самого банального вопроса, услышал такой же банальный ответ и за свою храбрость был вознаграждён улыбкой. Слово за слово, и завязался лишённый смысла диалог, достойный незамысловатых историй глянце-

вых журналов. Уцепившись за возможность пофантазировать, Ада пристыдила себя за предубеждённость, после чего быстро представила будущее двух совершенно незнакомых ей людей. Опуская детали, она нарисовала первое свидание: пройдёт оно по заготовленному заранее плану. Второе пронесётся, не оставив в памяти много подробностей. А там и третье, четвёртое, двадцатое... Он будет советовать-ся с друзьями, она – гадать на картах или на ромашке о продолжении, но, ни в коем случае не о таком сером, как у других. А потом... – и тут Ада вздохнула – потом на смену «большой любви» придёт самая что ни на есть обыкновенная привычка...

Ада ещё не успела поставить точку, как поняла: ничего из придуманного ею не исполнится. Не суждено в этой утренней суете двум избранным обрести друг друга. Хотя причём тут судьба? Это он не захотел выйти на одной остановке вместе с новой знакомой, лицо которой забудет к обеду. Не запомнится ему ни растерянная улыбка, ни поникший взгляд, брошенный в спину. Впрочем, и она не пожалеет ни о чём. О чём тут сожалеть? Восемь минут потрачены впустую, выставив напоказ отсутствие решимости у него и слишком явное желание завести друга у неё. Обыкновенная история, изложить которую можно в двух словах. Но слушать всё равно никто не станет. Неинтересно.

Совсем неинтересно, подумала Ада, выйдя из трамвая. Дождь усилился, возможность опоздать становилась всё яв-

ственной, а она шла, умышленно отставая от толпы. Никого не догоняла и не обгоняла, и о времени не думала, беззаботно посылая пунктуальность к чёрту (чего раньше за собой не замечала). Но, как ни старалась, всё равно пришла к пункту назначения. Прочтя (в который раз!!!) надпись «Библиотека», Ада открыла тяжёлую деревянную дверь и вошла в вестибюль. Новый охранник, услышав от неё магическое слово «сотрудник» пропустил без лишних вопросов. Она поднялась по лестнице, искоса пробежавшись взглядом по старым фотографиям на таких же старых стенах, поздоровалась с коллегами и подумала, когда присела за рабочее место: как же так вышло, что она стала примером постоянства? Многие смотрят на неё и видят спокойного, рассудительного человека, не подозревая, что *хорошая девочка* в тайне мечтает нарушить эту завидную внешнюю незыблемость, совсем не соответствующую её внутреннему содержанию. Стабильный график, стабильная зарплата, стабильные разговоры в женском коллективе о работе, мужчинах и детях. Впрочем, ни мужа, ни детей у Ады не было, вот она в основном и помалкивала, когда речь заходила именно об этих составляющих повседневного быта большинства сотрудниц библиотеки. Когда же взгляды любопытных девушек устремлялись на неё... Ада и тут отмалчивалась, никого не балуя рассказами о себе. Так и оставалась для всех на протяжении долгих лет знакомой незнакомкой. Всё равно каждый подчеркнёт для себя то, что посчитает важным: изъяны или до-

стоинства – кому что по душе.

– Я сегодня с утра включила телевизор, – неожиданно сказала Карина, прервав размышления Ады. – Попала на какую-то передачу... Как она называлась? – задумалась на секунду девушка. – А, неважно, суть не в этом... В этой передаче рассказывали про самоубийц.

– С утра пораньше? Другое время не нашли что ли? – возмутилась Лера.

– И что? – спокойно спросила Ада, не проявив к теме интерес.

– У некоторых таких вот... – Карина запнулась, подыскивая слово, – индивидуумов...

Подобрала.

– ...не всё в порядке с головой. Да, да, самым главным фактором самоубийств учёные считают психические нарушения. Приблизительно у девяноста процентов тех, кто наложил на себя руки, такие отклонения наблюдались.

– Это и так известно, – снова вставила Лера. – Разве нормальный человек захочет лишать себя жизни? Только чокнутый...

Ада предпочла промолчать. Сколько таких безальтернативных суждений было высказано в стенах этого здания? Не сосчитать.

– Не понимаю, как можно решиться на такой шаг из-за неразделённой любви или проблем на работе, или... да неважно чего. Я вот такой глупости никогда не совершу! –

закончила Карина, поставив жирный восклицательный знак в конце своих рассуждений.

– Карина, с чего это ты заговорила на такую странную тему? – поинтересовалась Ада, желая подтвердить или опровергнуть свои подозрения. – Уверена, тебе совсем не интересны люди с психическими отклонениями.

– ...Просто весна на улице, – простодушно отозвалась девушка, покосившись при этом на руку Ады. На левом запястье из-под рукава виднелся браслет из чёрного бисера. Карина обратила на него внимание с первого дня, как появилась в отделе. Красивое украшение с оригинальным рисунком и невидимым стыком очень понравилось ей, но потом, любуясь им пять дней в неделю, она стала подозревать об ином предназначении браслета. – Оказывается, это самое опасное время для... таких людей. В эту пору у них происходит обострение...

Обострение происходит у всех, так что весна действительно опасное время. Что-то там, под корой головного мозга, настойчиво требует выплеска накопленных за зиму эмоций, но кто-то свыше, никаких перемен в индивидуальной книге судеб не прописал. Ада, лишённая иллюзий, знала это наверняка, но свой маленький секрет она привыкла скрывать за милой улыбкой, продолжая демонстрировать оптимистичное отношение к жизни. Никому ведь не интересно, из каких тонких материй и печальных нот соткана её душа.

– Что должно побудить человека добровольно умереть? –

спросила Карина то ли себя, то ли остальных. Не услышав ответ, решила адресовать вопрос конкретному человеку: – Ада, как ты думаешь?

Ада нехотя оторвала глаза от монитора и посмотрела на Карину: длинные белокурые волосы и бледно-голубые глаза гарантировали благополучное будущее... или нет? Наверняка обладательница такого достояния настроила планов, и готовиться к их осуществлению. Что ей душевные надломы тех, кто на определённом жизненном этапе обнаружил своё имя в бесконечном списке неудачников? У неё самой всё хорошо, и так будет ещё очень долго, если не всегда.

– Если тебя действительно интересует этот вопрос, то ты можешь многое узнать с помощью интернета: потратишь немного времени не на социальные сети, а на изучение столь сложной проблемы.

На этом Ада и закончила. Не любила она вести разговоры, цель которых – убить время. Но, уйдя от одной подтекстовой темы, как зазвонил телефон. На другом конце провода секретарь сообщила Аде, что её желает видеть директор. Не представляя, о чём с ней хотят поговорить, заведующая отделом зашла в кабинет, предварительно постучавшись, присела на указанный стул и приготовилась к словесной атаке. Крепко сжатые губы и взгляд исподлобья не предвещал ничего хорошего, в чём Ада убедилась спустя пару секунд:

– Ну, что? – спросил Максим Александрович обречённо. –

Появились у вас идеи по улучшению работы вверенного вам отдела?

Ответ директор библиотеки прочёл по глазам, но, всё же, предпочёл подождать. А вот Аде ждать было нечего. Никакого озарения не случится, и на чудо новогоднее рассчитывать не стоит. Весна на улице – холодный... нет, бодрящий март... обманчивый март...

– Кроме того, что я предлагала раньше...

– Я помню, что вы мне предлагали, – раздражённо отмахнулся начальник и затараторил: – Всё не годится. Ваши идеи устарели. Нужно что-то совершенно новое, масштабное...

– Без должного финансирования ничего не выйдет. Ведь начинать нужно с самого простого – с ремонта...

– Вы мне об этом не говорите. Денег нет. Финансирование библиотеки очень скудное. Так что ищите другие идеи, которые не требуют денежных вливаний.

– В таком случае ничего предложить не могу.

– И что же вы собираетесь делать? – спросил Максим Александрович повышенным голосом. – Ваш отдел работает плохо. Вы заведуете отделом, значит вся ответственность на вас.

– Разве отдел не справляется со своей работой?

– На данном этапе этого мала. Вы должны участвовать в общебиблиотечных проектах, должны думать, как привлечь читателей, вы должны...

Понеслось. Ада слушала молча, не перебивала, не возникала, не вносила никаких предложений. Знала: всё, что будет сказано – может быть использовано против неё. Директор библиотеки, чересчур озабоченный репутацией и престижем учреждения, которым руководил, требовал новаций, тогда как Аде хотелось новшеств в собственной жизни. Иногда, замечтавшись, она верила в скорые перемены, хотя ничто их не предрекало. И это горькое «ничто», а вместе с ним предсказуемая каждодневная реальность постоянно напоминали о себе, вытесняя мечты. По инерции Ада продолжала убеждать себя не сдаваться, иначе... иначе не избежать падения в бездну, в которую её затягивали одиночество и безнадежность.

В последнее время Ада часто стала задумываться: а чего она на самом деле хочет. Что не устраивает сейчас? Ведь в библиотеку она пришла по собственной воле. Она любила книги, любила читать, пополняя умственный багаж новыми знаниями. Поэтому, не смотря на удивлённые возгласы однокурсников, не имея больших амбиций, Ада решила, что это именно то, что ей нужно. Но в какой-то момент работа ей разонравилась. Она перестала приносить моральное удовлетворение. Надежды умирали, и Аде всё чаще приходила в голову мысль, что она напрасно живёт. Разочарование постигло её. Не сразу. Со временем. Когда читать хотелось всё меньше, а метаморфоз всё больше.

Поиски новой работы ни к чему не приводили. К тому же

Ада толком не знала, что искать. С дипломом историка, не обладая особыми талантами, выбор, как оказалось, не велик. Не представляя, где может реализовать себя, Ада штудировала интернет и длинные колонки объявлений на чёрно-белых страницах. Но одна за другой газеты с ненужной информацией летели в мусорное ведро, а от долгого взглядывания в монитор рябило в глазах. Нулевой результат не прибавлял оптимизма. В итоге Ада решила сосредоточиться на другом варианте. Идея, которую она когда-то равнодушно вычеркнула из планов на будущее, неожиданно пришла ей в голову и уже не казалась бредовой. Почему бы не посвятить свою жизнь науке, раз больше некому? История по-настоящему интересовала её, захватывала. Именно поэтому дома все полки были заставлены книгами о древних цивилизациях, сгинувших в песках времени. Пусть несравненная Клио станет её страстью, займёт свободное место в беспокойной душе, которое пустует уже давно. Если в собственной жизни не получалось заполнить белые пятна, тогда стоит попробовать это сделать в истории минувших веков; глубже вникнуть в то, что невозможно расписать в схемах и уместить в формулах. Только вот... не поздно ли осуществлять мечту? Да и мечта ли это? Чётких ответов у Ады не было, но была уверенность, что всё прояснится, как только она всё обдумает и начнёт действовать...

– Вы меня поняли?

– ...Да... – прошептала Ада, не собираясь переспраши-

вать, а что же ей надо уяснить. Последнюю часть монолога своего работодателя она прослушала, о чём ничуть не сожалела.

– Идите.

Ада вышла из кабинета, постояла на лестнице в раздумьях, а когда зашла в отдел, наткнулась на Виктора Ружицкого. Молодой неженатый преподаватель часто заходил в библиотеку в поисках знаний... и, возможно, жены. Не намекая на что-то серьёзное, он всё же иногда задерживал на Аде взгляд дольше положенного, заводил разговоры и мило улыбался. Но не сегодня. Холодно поздоровавшись, он отвернулся, продолжив прерванный разговор с Кариной. Ничуть не расстроившись, Ада прошла на своё место и принялась за работу. Задумалась о причинах отстранённости давнего знакомого, но очень быстро поняла, насколько ей всё равно. Это Ружицкий не сомневался, что составит хорошую партию для любой девушки, только вот Ада не влюблена. Он не тот, кто мог заставить её сердце биться быстрее. Ружицкий был лишь возможностью сбежать от себя. Не получилось, чему Ада порадовалась...

– Ада... Алексеевна, мы вот с Виктором... Евгеньевичем обсуждаем причины самоубийств, – заявила Карина игривым тоном.

– Как интересно, – сказала Ада, не подняв головы.

– Оказывается, у мужчин и женщин они разнятся. Мужчины чаще решаются на такой шаг из-за потери работы, а жен-

щины – из-за отсутствия спутника жизни...

Карина молчала, Ада тоже. Карину пауза смутила, Аду нисколько.

– ... Что ты... вы на это скажете?

– Скажу, что вести разговоры на отстранённые темы нужно в нерабочее время.

Виктор Евгеньевич поправил очки, попрощался и вышел. Карина, скривив губы, присела, но Ада так и не взглянула на неё.

2

Переступив порог библиотеки, Ада, не дав себе ни секунды для раздумий, повернула в противоположную от дома сторону. Дождь перестал беспокоить с середины дня, за что его неустанно благодарили. Синоптики обещали ненастную неделю, но сегодняшней день был исключением, вот Ада и решила воспользоваться затишьем и прогуляться. Она бесцельно бродила по улицам, заглядывая украдкой в закрытые окна – в чужую жизнь за прозрачными занавесями, куда её никто не приглашал. И ей ничего не оставалось, как отвечать тем же – равнодушием. Ада уже не могла припомнить, в какой именно момент это чудовищное чувство поглотило её, как и не знала, долго ли ещё будет длиться одноцветная полоса жизни. И даже приход весны не опьянял как раньше. Спокойная радость без каких-либо надежд – невообразимое ранее состояние, в котором она прибывала.

На полпути в никуда Аду вдруг осенило: ей есть куда поехать: скромное место без толкотни и шума. А главное – её там ждут, ей будут рады. Туда она и зашагала бодро, определив направление. Сначала она шла по широким асфальтированным дорогам, потом свернула на узкую тропу, сокращая путь. По ней-то она и пришла в старый парк, в который была давно влюблена. За долгую зиму успела соскучиться, что стало поводом навестить уголок природы в большом

мегаполисе... без повода. А ещё, спускаясь по мраморной лестнице двадцать минут назад, Ада представила, как дома, закрывшись на все засовы, включит тишину на всю громкость, и, конечно же, оглохнет... *В другой раз*, решила она. Фантазии никуда не денутся, не сбегут из запертой наглухо комнаты. Устала она от них. Хотелось побыть в этом мире, где можно ощутить прикосновения холодного мартовского ветра, старательно путавшего непослушные волосы. Сегодня небезупречная реальность – самая желанная.

На мосту Ада остановилась. Повернулась в сторону моря и подошла к ограде вплотную. Холодный порывистый ветер продувал насквозь, заставляя кутаться, засовывая оголённые кисти рук в рукава. Согреться не получалось, но Ада не спешила уходить. Подняв ворот пальто, она вдохнула солёный запах, не отрывая глаз от горизонта. Там, за нарисованной чертой, небо и земля соединялись, опровергая тем самым утверждение, что никогда двум крайностям не сойтись.

Пять минут совершенного покоя и все тревоги, вся суэта пасмурного дня растворились. Но чем дольше Ада стояла, тем явственней ощущала, как уходят не только печали, но и радости. Ещё немного, и она сама перестанет существовать. Исчезнет без следа и следствия, как лёгкий утренний туман... Возможно, уже исчезла, не сожалея ни о чём. Этот момент – момент полного безразличия, породил в ней желание разглядеть в наглухо затянутом небосводе млечный путь и уйти на пару с Понтием Пилатом и Иешуа туда, где ничто

не тревожит.

...Затрезвонил телефон, отвлѣк от навеянных разгулявшимся ветром мыслей. Как только Ада взглянула на экран, тут же вспомнила, где должна находиться в данный момент. Совсем не здесь, не на мосту с тысячько замочками.

– Здравствуйте, Эльвира Соломоновна.

– Здравствуй, Ада. Ты сегодня придѣшь? – спросил вздрагивающий голос.

– Обязательно, – спокойно подтвердила Ада, ничем не выдав себя. – Именно к вам сейчас и направляюсь.

– Мы договаривались поехать в мой загородный дом посмотреть книги... Но если ты не можешь...

– Договор в силе. Не беспокойтесь.

– Хорошо. Правда, у меня к тебе небольшая просьба... – сказал всё тот же голос, после чего установилась пауза.

– Какая?

– Ты не могла бы зайти в магазин и купить хлеба и молока?

– Конечно, Эльвира Соломоновна.

– Спасибо тебе. Деньги я верну, когда придѣшь...

– Не беспокойтесь об этом. Я скоро буду, – закончила Ада и отключилась.

Бросив прощальный взгляд чему-то неопределѣнному, Ада развернулась и пошла прочь от заколдованного места, на ходу соображая, как ей быстрее добраться. И как она могла забыть о своей подопечной? Вот уже три года, как она один или два раза в неделю навещает женщину почтен-

ного возраста, слушает длинные рассказы из жизни, покупает продукты и гуляет то с Эльвирой Соломоновной, то с её пекинесом по кличке Эдмунд. Всё это могла бы делать не она, а близкие люди, но дочь давно переехала в другую страну, непутёвый сын запропастился куда-то, а у единственной внучки... подростковый период. В желании не заниматься престарелой родственницей все они были едины, в этом Ада убедилась, обзвонив каждого после несчастного случая с Эльвирой Соломоновной, свидетелем которого ей довелось быть. Тогда-то всё и началось... с обыкновенного желания помочь подняться поскользнувшейся пожилой женщине, продолжилось предложением довести её до дома и донести покупки. Ушибленная рука заживала долго, разбитое колено оправилось быстрее, сама же Ада с тех пор стала неотъемлемой частью чужой жизни, в которую её приняли с огромным удовольствием и признательностью.

Ада открыла дверь своим ключом. Как только переступила порог – громко сообщила о себе. Эльвира Соломоновна отозвалась, после чего Ада сняла пальто, разула сапоги и прошла с пакетом на кухню. Там её ждал сюрприз: внучка Алина сидела на стуле, запрокинув ноги на стол, и смотрела, не отрываясь, в телефон. Она даже не подняла глаз, когда появилась Ада, не поздоровалась, и вообще сделала вид, что совершенно ничего не произошло.

– Убери ноги со стола, – почти спокойно попросила Ада. В ответ Алина надула большой жевательный пузырь. Ко-

гда он лопнул, сказала вялым голосом:

– А... Это ты...

– Да. Я тоже рада тебя видеть, – съязвила Ада, выкладывая продукты на стол. Она не злилась, и не обижалась на заносчивость дурно воспитанной шестнадцатилетней школьницы. Но разговоры между ними в последнее время были короткими. За прошедший год Алина изменилась не в лучшую сторону, Ада, в свою очередь, не собиралась спорить и поучать, давно уяснив: когда собеседник не хочет тебя слышать, надрыв голосовых связок не исправит ситуацию.

Алина, заметив бутылку молока, потянулась к ней.

– Это не для тебя, – остановила её Ада.

– Но я хочу, – заупрямилась девушка.

– Хочешь? Магазин работает круглосуточно.

– У меня денег нет.

– Не мои проблемы.

Ада отстранённо наблюдала реакцию Алины: разозлившись, та вскочила со стула и вылетела из кухни, одарив неговорчивую гостью презрительным взглядом. И это Аду ничуть не задело. Взрывной темперамент так гармонично сочетается с подростковым возрастом, что упрекать за это глупо. Главное, чтобы бесшабашность не стала главной чертой характера в дальнейшем. Но над будущим можно поразмыслить позже, а пока оставшись в одиночестве, Ада разложила продукты по местам, после чего подошла к окну. Постояла, подумала, махнула мысленно рукой и прошла в комнату, где

пекинес Эдмунд усердно лаял на девушку, за то, что та его дразнила, а Эльвира Соломоновна по очереди обращалась то к внучке, то к любимому питомцу, пытаясь успокоить обоих.

– Алина, перестань его дразнить, – негодовала старушка. – Разве ты не видишь, как он злится.

– Пусть злиться, – весело отзывалась девушка. – Я не виновата, что он такой глупый.

– Тебе под стать, – встала Ада и присела в кресло.

Услышав едкую фразу в свой адрес, Алина перестала улыбаться.

– Знаешь, что? – начала девушка, но закончить мысль ей помешала Ада:

– Тебя ждёт грязная посуда, – вздохнула она. – Сделай хоть что-нибудь полезное, раз пришла.

Алина готова была взорваться, но под прицелом тёмно-зелёных глаз думать едва получалось. Не найдя ответа, она опустила веки, пытаясь скрыть смущение. Оказавшись за спиной Ады, скривила рожицу, таким вот образом выразив своё отношение к., *как же её назвать-то?* Эпитетов много, а выбрать подходящий Алина не могла, так же как не могла определить своё отношение к ненормальной, строгой, неприступной... непостижимой Аде.

– Не сердись на Алину, – обратилась Эльвира Соломоновна к Аде, когда они остались вдвоём.

– Ну, что вы! – улыбнулась Ада. – Стану я обижаться на вашу внучку! Я ведь понимаю: подростковый возраст –

сложный период жизни.

– Она хорошая девочка, просто отец с матерью не очень-то занимались ею...

– Совсем не занимались, – подкорректировала Ада.

Эльвира Соломоновна покачала головой, перед тем как продолжить:

– Ей не повезло. Родители развелись три года назад...

– Я знаю.

– ...Она тяжело это пережила... Друзей у неё нет...

Не с кем поделиться, отвлечься...

Ада встала и подошла к пожилой женщине. Поправила собранное с боку покрывало на диване, после чего взяла на руки Эдмунда, приласкала и положила хозяйке на колени.

– Её нужно найти какое-нибудь занятие.

– Какое? – озадачено спросила Эльвира Соломоновна. – Я не представляю, чем увлекаются современные дети. Я уже так стара...

– Не наговаривайте на себя.

– Ада, я не скромничаю. В мои семьдесят шесть заменять реальность вымыслом просто неприлично... Вот я и думаю: меня не станет – кто позаботится об Алине? Кто защитит? Она ещё такой ребёнок, хоть и пытается казаться взрослой... Когда я умру, ты не оставляй её...

– Это произойдёт ещё не скоро.

– Нам этого не дано знать. – Эльвира Соломоновна прикрыла глаза. – Она к тебе прислушивается...

– Она меня ненавидит... за что-то... А за что – понять не могу.

– Вовсе нет. Просто... иногда мне кажется, она... обижена на тебя...

– Мы ведь собирались посетить ваш загородный дом? – спросила Ада после затяжной паузы.

– Да... – вздохнула хозяйка.

– Планы ведь не поменялись?

– Нет. Конечно, поедем... – Эльвира Соломоновна открыла глаза и привстала, демонстрируя собеседнице искажённое заботами лицо. – Ах, Ада... Знала бы ты, как мне жаль, что ты не моя внучка... С тобой хорошо... уютно...

– Не жалейте. У меня тяжёлый характер. Со мной сложно ужиться.

– Тебе так кажется или ты в это веришь умышленно... Так ты оправдываешь...

– Что оправдываю? – удивилась Ада.

– ...Своё одиночество... Я вызову такси...

Спустя сорок минут Ада переступила порог незнакомого дома. Небольшой по размеру, он был когда-то очень уютным и благоустроенным, пока в нём жили и берегли его. Было это давно, а теперь некогда любимое место отдыха многих поколений пребывало в полном запустении. Ремонт нужен и внутри, и снаружи. Ада подумала об этом, когда закрыла за собой проржавевшую калитку, густо увитую плющом. Дорожка, ведущая к дому, была разбита, как и несколь-

ко ступеней порога. Перед тем, как зайти Ада остановилась рассмотреть несправедливо заброшенное здание: фасад давно выцвел, а штукатурка потрескалась и покрылась пятнами, и никому не было до этого дела. А ведь ещё не поздно попытаться сохранить маленький островок счастья и покоя. На это она не пожалела бы никаких сил, но кто ей позволит?

Оказавшись внутри, Ада сняла пальто, разулась и немного осмотрелась. Комнат в доме было четыре, но жилой вид был лишь у двух – у гостиной с давно неработающим камином и у библиотеки. Так как в доме никто, кроме Эльвиры Соломоновны не бывал, остальные две комнаты постепенно превратились в хранилище ненужных вещей – из тех, что и выкинуть жалко, и оставить невозможно. Ада решила заглянуть в них при случае, а сейчас, пока хозяйка заваривала чай и прогревала дом, она отправилась к книгам, предварительно открыв запертую на два замка дверь. Библиотека оказалась просторной, с двумя большими окнами, занавешенными плотными шторами. Включив свет, она увидела шкафы высотой под потолок, забитые книгами. Книги громоздились и на стульях, на подоконнике, и на расстеленных плотных коврах. Несмотря на это, беспорядка не ощущалась. Возле окна стоял круглый стол, а на нём керосиновая лампа и пара свечей – вот и всё богатство.

В отличие от дома, состояние бумажных домочадцев было вполне удовлетворительным. Видимо, им уделялось больше внимания, и все силы тратились на их сохранность. Ада по-

дошла к книгам на полу, присела на корточки и взяла одну из них в руки. Рассмотрела, аккуратно полистала и поставила на место. Потом проделала это же с другими томами. Среди них было немало старинных книг, переплетённых в кожу и пергамент с тиснёными узорами, металлическими накладками и застёжками, а некоторые даже с золочёными буквами на корешках. Инкунабул и манускриптов не было, но все книги, судя по переплётам, увидели свет не позднее девятнадцатого века. На первый взгляд коллекция очень неплохая, и заслуживала пристального внимания.

Зашла Эльвира Соломоновна и принесла чай. Поставив поднос на стол, она обратилась к Аде.

– Наконец-то ты пришла сюда. Здесь нужно навести порядок: книги по алфавиту расставить, сверить с картотекой... Правда, – запнулась хозяйка, – для начала нужно её найти.

– Картотеку?

– Да.

– Найдём, – пообещала Ада с готовностью потратить последние силы на поиски.

– Надеюсь, ты не слишком разочарована. – Эльвира Соломоновна обвела комнату печальным взглядом, и стало понятно, что для неё это не просто хранилище книг или обязанность выйти из трёхкомнатной квартиры и приехать сюда. Это то, что связано с детством, с лучшими воспоминаниями, с теми счастливыми минутами, которым не дано повториться никогда. Именно поэтому она возвращается сюда

вновь и вновь – из-за вероятности заглянуть в прошлое, посмотреть украдкой на утраченное навсегда счастье, и снова обмануться. Когда находишься в постоянном бегстве от городской депрессии, даже призрачная возможность окунуться в былую атмосферу, вдохнуть её вместе с пылью и напоминаниями на каждом углу о самом лучшем времени, делает счастливей. Во всяком случае, ей так казалось. – Этот дом многое для меня значит. Несмотря ни на что, я не готова с ним расстаться... Не готова отдать его тем, кто пригонит бульдозер и снесёт, уничтожит без капли сожаления.

– Кто способен на такое варварство? – Вопрос был риторическим, поэтому Ада не ждала ответа. – Предполагаю, когда-то здесь было очень... комфортно.

– О да!

– Что же случилось?

Хозяйка пожала плечами:

– Как я уже говорила, моим детям и единственной внучке не интересны книги и.. место их хранения. Ремонт дома требовал немалых капиталовложений тогда, теперь же, как видишь, цена сохранности фамильного имени очень высока. Никто из моих потомков не собирается *выкидывать деньги на ветер*, как они выражаются. Остаётся лишь наблюдать за медленной смертью дома.

– Как жаль.

– Жаль, – бросила хозяйка на ходу, – но я надеюсь, что ты не откажешься.

– От чего?

– От моего подарка. – Эльвира Соломоновна обвела руками книги. – Здесь должно быть девятьсот с лишним томов, и, скажу тебе, все они без исключения очень ценные. В этом ты можешь не сомневаться! – хозяйка многозначительно показала указательным пальцем правой руки. – Когда-то их было больше, но что-то мой дед Афанасий Григорьевич продал, что-то обменял. Но, я скажу тебе, с любимыми книгами он всегда расставался с огромным трудом, и лишь для общей пользы.

– Я вижу, здесь есть книги по религиозной тематике, но преобладает гражданская литература. – Ада встала и подошла к полкам, прохаживаясь вдоль них и осматривая одну книгу за другой. – Есть даже старинные рыцарские романы... описанные в библиографиях.

– Это давние приобретения в моей семье. А вот некоторые трактаты по магии, алхимии и демонологии появились у нас благодаря Афанасию Григорьевичу. В своих поездках за границу он тем и занимался, как поиском подобной литературы. Помню, несколько раз он брал меня с собой в такие путешествия. Дед мой, конечно, по работе ездил, но всегда совмещал приятное с полезным. Если ему счастливилось вернуться домой с ценной покупкой, он, по приезду закрывался в кабинете, то есть в этой комнате, и бывало, неделю просиживал почти безвылазно, изучая новое поступление...

– Печально, что дом теперь в таком состоянии. Трудно,

наверное, в таких условиях...

– ...пытаться сохранить книги? – догадалась хозяйка.

– Да.

– Сложно бороться с грызунами и насекомыми, солнцем и сыростью, но я стараюсь. Прихожу сюда раз в неделю как минимум, проветриваю помещения, сметаю пыль... Я не библиофил, как мой дед, но к доставшейся мне книжной коллекции отношусь бережно.

– Давно эта любовь к книгам появилась в вашем роду?

– Давно... Очень давно... Я тебе рассказывала...

– Да? – удивилась Ада. Поморщилась, опустила глаза. –

Не помню.

– Не страшно, – вставила Эльвира Соломоновна, заметив замешательство своей гостьи. – Вспомнишь... как-нибудь.

– Как же я могла забыть?

– Мой дед, царство ему небесное, – продолжила хозяйка дома, не обратив внимания на реплику Ады, – он был настоящим ценителем книг, преданным поклонником, словно не он был их владельцем, а они – книги – безраздельно властвовали над ним. В детстве, когда я приезжала сюда, он приводил меня в эту комнату – без его разрешения сюда никто не мог войти. Так вот, он приводил меня сюда, усаживал за стол – вон тот, у окна, и подолгу рассказывал о книгах, о каждой из них. Сколько интересных историй я слышала... Запомнила далеко не все... Я хоть и следую заветам деда, но во мне нет той страсти к книгам, какая горела в нём.

Агата осмотрелась.

– Что будет с домом... после...

Эльвира Соломоновна улыбнулась.

– Что с ним может быть? Мои потомки не проявляют к нему никакого интереса, как и к книгам.

– Продадут?

– Я им не позволю.

– Это как же?

Эльвира Соломоновна задумалась, потом вдруг очнулась и взглянула на Аду долгим пронзительным взглядом.

– Не знаю, что тебе пришлось пережить... Могу только надеяться... – Хозяйка содрогнулась, грустно улыбнулась, подарив улыбку пустоте, так и не завершив фразу.

– О чём вы, Эльвира Соломоновна?

– Да так... Не обращай внимания на старческие причуды...

Ада смотрела и никак не могла понять, что же теперь выражали складка у рта, и оцепеневший взгляд.

– Где-то должна быть картотека... – заговорила старушка тихо, словно боялась разбудить то, что спрятано в самых дальних уголках сознания. – Мы ведь за ней приехали...

– Я поищу... только где?

– В последний раз я видела её в одной из заброшенных комнат.

– Значит, начну оттуда.

Ада потратила на поиски всего полчаса времени. Сооб-

щила об этом хозяйке, потом занесла её в библиотеку, поставила на стол – самое видное место. Все остальные действия она оставила на потом, а сейчас, решив с пользой потратить свободные минуты, она с трудом открыла заржавевший замок задней двери и вышла на террасу. В сумерках разглядеть что-либо было довольно сложно, но Ада и не ставила перед собой такой задачи. Некоторые детали дорисует её сознание, задействуя фантазию, некоторое пусть останется тайной... до следующего её визита, конечно. Впрочем, она догадывалась, в каком запущенном состоянии небольшой сад. Она прошлась по нему, слушая свои шаги и нераспознанные звуки. На тёмном небе в прорезях туч зажглись одна за другой две звезды, дополняя иллюзии угасшего дня. Погружённая в печальную атмосферу дома и сада, она представила, как могло бы быть, сложись всё иначе. Но иначе могло сложиться и у неё, подумалось ей. А вместо этого жизнь по непонятной причине остановилась, застряла на одной точке и не может ни вернуться обратно, ни продолжить свой бег. Ей всё казалось, что вот-вот случится что-то в её невыносимо однообразном существовании. По сути, только это ожидание и было у неё, не позволяя пустоте завладеть ею окончательно и бесповоротно. Противостоять разочарованию, отчаянию, потере себя в каждодневной суете помогало только ожидание. Это оно не позволяло выбрать короткий путь к счастливому концу даже в самые тяжёлые моменты, когда терялась связь с миром, когда Ада отдалялась от него, не чувствуя се-

бя его частицей.

...Где-то вдалеке пронеслась машина, наведя Аду на мысли, что пора возвращаться. Достав из кармана мобильный телефон, она посмотрела на часы, но так и не запомнила, который был час. Постояв ещё пару секунд у обвитой буйной порослью беседки, она зашла в дом.

3

Возле подъезда кто-то крутился, вернее, нервно расхаживал на расстоянии одного метра, периодически останавливался, переминался с ноги на ногу, с пятки на носок, и снова несколько шагов в одну сторону по истоптанному маршруту, потом в обратную... Уже было темно, когда такси высадило Аду возле дома, но это не помешало ей издали узнать родного брата. Конечно же, он ждёт её, иначе попасть в однокомнатную квартиру сестры невозможно. Ада наотрез отказалась давать ключи, огородив свою маленькую крепость от посягательств.

Артур, завидев сестру, остановился. Когда Ада подошла, он лишь опустил голову, не промолвив ни слова. Ада тоже не стала нарушать молчание, зная, что в скором времени это обязательно произойдёт.

Постояв секунд десять, Ада зашла в подъезд. Брат пошёл следом. Подождали лифт, рассматривая выкрашенные в зелёный цвет стены, в самом лифте занялись чтением надписей, а зайдя в квартиру, Артур спросил:

– У старухи была?

Ада одарила брата пристальным взглядом, но вместо слов повесила пальто на вешалку.

– И зачем ты к ней ходишь? – продолжил Артур, не прочитав неодобрительных намёков в глазах сестры.

– Два месяца от тебя ни слуху, ни духу. – Ада перевела разговор на другую тему. – Только изредка короткие сообщения из двадцати символов, включая пробелы: *у меня всё нормально*. Где ты был? Не хочешь рассказать?

Не дожидаясь ответа, она исчезла в комнате. Не получив приглашение зайти, Артур медленно разулся, стянул обмотанный вокруг шеи толстый, весьма изношенный шарф и заглянул в комнату. Сестра сидела на диване, подогнув ноги под себя. В тусклом свете ночника она была окружена тенями и тайнами, не подпускавшими к ней никого. Когда брат зашёл, Ада подняла на него свои глаза и смотрела так же, как на Алину час назад – предосудительно спокойно.

Артур присел напротив, всячески избегая пересечения взглядов. Не зная, с чего и как начать, он молчал, оттягивая сложный для него момент. Не любил он оправдываться, считая это унижительным занятием. Но никому ничего не объясняя, он в тоже время с презрением относился к догадкам окружающих людей о причинах его поведения. *Они не могут понять и не поймут никогда* – часто повторял Артур с обидой в голосе. Для всех чужой, всеми гонимый, за что был обижен на весь мир. И даже сестра – единственная родная душа, больше не на его стороне.

Для Ады мысли брата не были секретом. О чём-то она догадывалась сама, остальное Артур говорил в моменты ссор, перед тем как уйти, хлопнув на прощание дверью. Когда-то Ада сама так поступала – уходила, не дослушивая до кон-

ца. Тогда ей было... шестнадцать. С тех пор она успела измениться, а брат... Сейчас, при искусственном свете, Ада могла рассмотреть родное лицо, и найти в его стремительно меняющихся чертах ответы на самые мучительные вопросы. Признания, на которые Артур никогда не решится, были выжжены в его глазах – усталых, несвоевременно потухших, с печатью алкогольного дурмана.

– У меня были дела... – наконец-то выдавил из себя Артур. – Понимаешь... – продолжил он, но на этом умолк, так и не решив, какую часть своей бестолковой истории заменить ложью.

– А я должна? – спросила Ада, когда время на ответ истекло.

– Что? – не понял Артур.

– Понимать.

– ...Ада... – скривился Артур, словно из них двоих именно он был жертвой с оттопыренными от бесконечного вранья ушами. – Я пришёл тебя увидеть... Соскучился...

– Не продолжай, – оборвала его Ада. Она тоже устала сегодня, и вообще... Сколько она не бежала, а убежать от утонувших в бессмысленном водовороте жизни глаз не смогла. Тридцать один год она смотрела в пьяные отцовские глаза. Два года назад она переехала в оставленную бездетной тёткой квартиру, возлагая на это неприкрытое ничем бегство большие надежды... которые не оправдались. Теперь вот периодически смотрит в такие же мутные глаза младшего бра-

та и всё ещё не понимает, почему она так часто видит именно этот кадр бездарной киноленты? Накатила вдруг обида, вспыхнула злость, затуманив глаза и разум. Захотелось схватить первое, что под руку попадёт и забросить в Артура со всей силой... Но, как назло, ничего подходящего не было.

Ада, сглотнув, отвернулась, потому что знала: не станет она закатывать скандал. Не будет повторять то, чему была свидетелем долгие годы; то, что искалечило и её, и его. Со своими душевными драмами каждый разбирался самостоятельно, и как оказалось – по-разному, но родной брат не уставал при этом напоминать сестре о существовании мира, в котором Ада никак не могла найти себе места.

– Ада... – тихо позвал Артур. Его голос мгновенно утонул в тишине, и он сам – ещё секунда, вторая – последовал бы за ним. Но сестра бросила спасательный круг:

– Как родители? – спросила Ада и услышала вздох.

Артур помолчал, подумал и ответил:

– Нормально, – и больше ничего не добавил.

Когда Ада поняла, что ждёт напрасно, встала и прошла на кухню. С каких же это пор им с братом не о чем стало говорить, она припомнить не могла. Лишь констатировала упрямый факт, не представляя, что с этим неприятным открытием делать. До того, как придумает (а придумывать она будет ещё долго), решила приготовить незамысловатое блюдо и заварить чай. Сейчас никаких дельных советов сознание не даст, следовательно, его нужно отключить, выдернув

шнур из розетки. Так она с братом и сидела в тишине, поглощая скромный ужин.

Но когда тарелки почти опустели, язык у Артура развязался. Он вдруг принялся рассказывать о местах, где недавно побывал, о людях, с которыми ему довелось познакомиться накануне. Потом резко переключился на воспоминания – давно забытые события детских лет. Пересказанные теперь, они приобретали иной смысл, представали в ином свете. По-новому звучала история о том, как старшая сестра, защищая Артура, ударила соседского мальчишку, за что и была наказана – простояла два часа в углу. Как, не предупредив, Ада ушла к подруге, а брат долго искал её в чужих дворах. Из-за этого поссорились и не разговаривали целых двадцать минут, а когда помирились, пошли искать клад. Дошли до магазина в трёх кварталах от дома и повернули обратно. Решили нарисовать карту и продолжить поиски на следующий день. Вспомнить, было ли продолжение у этой затеи ни Ада, ни Артур не могли, что огорчило, отдалило друг от друга и вернуло в настоящее, где обоих одолевали заботы и проблемы взрослой жизни.

– Ты не волнуйся. С долгами я скоро рассчитаюсь, – вставил Артур, пережёвывая последнюю вилку риса. Отхлебнув чай, он взглянул на свою тарелку. Совсем пустая, она не добавила оптимизма.

– Хочешь добавки?! – то ли спрашивала, то ли утверждала Ада, в чём Артур решил не разбираться. Он был благодарен

сестре за догадливость.

– Да... если можно...

– Можно.

Ада высыпала оставшийся рис на тарелку, убрала лишнюю посуду в раковину, присела на своё место и спросила:

– Как же ты собираешься рассчитываться с долгами?

Артур улыбнулся:

– Я нашёл работу.

– Какую?

– ...Работа временная... – уточнил Артур уклончивым тоном. – Зато заработать можно много...

– Много? Это сколько же?

– Достаточно.

– Артур, во что ты ещё ввязался? – Ада повысила голос, не сдержавшись.

Подняв голову, брат внимательно посмотрел на сестру:

– Не переживай, ничего плохого... и противозаконного.

– Я могу верить тебе?

Артур обиженно скривился, но быстро решил, что это ни к чему.

– ...Я потом тебе всё расскажу.

Ада знала: объяснений не будет ни сейчас, ни тем более, потом. Впрочем, не сильно они ей и нужны.

– Потом так потом, – согласилась она, успокоившись.

Брат – взрослый, самостоятельный человек. Так это на самом деле или нет – уже не её проблема.

– Можно я у тебя переночую?

– Почему домой не идёшь? Опять с родителями поругался?

– Нет. Так я могу остаться у тебя?

– Конечно.

Когда Ада утром проснулась, Артура уже не было. В тот же день, около одиннадцати позвонила Эльвира Соломоновна и попросила зайти. Время не назначила, и что случилось – объяснять не стала, лишь добавила, что ничего страшного не произошло. И всё же Ада, не став откладывать визит в долгий ящик, отменила свой обед, и отправилась в гости. Часть пути преодолела с помощью городского транспорта, остальную же часть решила пройти пешком. Она любила прогулки на свежем воздухе – на пару с мыслями и одиночеством. На перекрёстке Ада остановилась. Горел зелёный, а она всё стояла в раздумьях: удлинить ли ей свой путь или идти, немедленно, ведь её ждут. Так и не достигнув определённости, она всё же свернула, отправившись вслед за лёгким ветерком. Она готова была отправиться на край земли, но здравомыслие укоротило путешествие до первого перекрёстка, или до второго..., но не дальше третьего, до которого дошла и всё-таки решила себя не ограничивать. Погожий мартовский день вдохнул весну в унылый, уставший город. Это он отправлял вдогонку солнечных зайчиков. Это он улыбался самой лучезарной улыбкой, и Ада отвечала тем же. Замедлялось дыхание, замедлялся шаг. В какой-то момент

она вообще забыла, куда и зачем шла. Ей было хорошо оттого, что она живёт, наслаждается теплом самой большой звезды и никуда не спешит...

Колокольный звон врезался в сознание, сбил с толку. Застигнутая врасплох, Ада почувствовала, как внутри всё всколыхнулось, и сама она вся задрожала. Не понимая, что произошло, она замерла, с удивлением обнаружив, что стоит на площади перед огромным, как ей показалось, белоснежным храмом с золотыми куполами. Его невозможно пройти, не заметив, и никакие иллюзии не могут послужить оправданием замечтавшейся душе. Нельзя выбирать свой путь вслепую – об этом напоминало величественное здание, для которого даже солнце было всего лишь фоном. Так думала Ада, пока били колокола...

Последний удар и всё стихло. Словно тишина накрыла город как снежная лавина. Налетел ветер – холодный, порывистый – нагнал тучи и тоску. В одно мгновение радостный, весёлый город стал безотрадным. Как будто пустота поселилась в нём, оставив на всём отпечаток грусти. И Ада стояла посреди площади, словно была всего лишь тенью, навеки запечатлённой на этой мрачной картине мира.

...Открыв, как обычно, своим ключом, Ада вошла в чужую квартиру. Уже с порога она услышала голос Алины: она говорила непривычно громко, так же, как и её бабушка. До этого Аде не приходилось присутствовать при ссорах между родственницами, и сожалела, что довелось. Сняв

пальто, она не спеша прошла по тёмному коридору и, опершись об дверной косяк, опустила глаза. Несколько минут она тихо стояла, не выдавая себя, пока её не заметили.

– ...Ада... Я не слышала, когда ты пришла... – смутилась Эльвира Соломоновна. Тяжело вздохнув, она отвернулась, пряча мокрые глаза и от гостыи, и от внучки.

Алина, наоборот, смотрела на Аду, не скрывая недовольства.

– Не старайся, деточка! – спокойно ответила Ада на безмолвный упрёк. – Твой взгляд меня не убьёт... Даже не ранит.

– Потому что ты холодная бесчувственная стерва, – закричала девушка. – Ты...

– Алина! – Лицо Эльвиры Соломоновны перекошил гнев. – Немедленно извинись перед Адой!

– И не подумаю, – прошипела девушка.

– Немедленно, – повторилось требование непреклонным тоном.

– ...Бабушка, почему ты всегда на её стороне?

– Потому что ты не права, – ответила Эльвира Соломоновна дрожащим голосом. Строгий взгляд смягчился, позволив Алине ни о чём не сожалеть.

Ада решила, что пора вмешаться и поставить точку в споре, в котором не принимала никакого участия.

– Алина, иди к себе.

Просьба была удовлетворена, что удивило. Без слов и пре-

реканий девушка вышла, унеся с собой отчаяние. В небольшой заставленной старой мебелью комнате его было в избытке. Аде было хорошо знакомо это состояние безнадёжности, его приметы, этапы, последствия... Она так же знала, как в такие минуты необходима поддержка – немного слов, немного молчания в такт. Ей даже было не сложно разделить, взять себе половину горечи. Но слёзы выплаканы, сердце не оттаяло от холодного мартовского солнца, да и сама она чувствовала себя деревянной игрушкой – ни одного признака жизни там, внутри. Только и смогла сказать:

– Не надо, не плачьте.

– Я не плачу... уже... – отозвался дрожащий голос.

Ада присела напротив.

– Что произошло? Почему вы просили меня прийти? Ещё вчера всё было нормально... как мне показалось...

Эльвира Соломоновна достала платок из кармана и вытерла глаза. Ей всегда удавалось держать чувства под контролем, а сейчас вот успокоиться никак не могла.

– Хотела попросить тебя прогуляться с Алиной. Она четвёртый день никуда не выходит. Спрашиваю, как дела в школе – молчит. Прошу сходить в магазин – отказывается. Что с ней – не знаю. Ничего мне не рассказывает. Только ходит по квартире мрачнее тучи... Вот и сейчас пыталась с ней поговорить... Напрасно. Только разозлилась в ответ на мои переживания.

– Я предложу ей прогуляться, – сказала Ада, помол-

чав. Она бы предпочла пройтись в одиночестве, но отказать в просьбе не могла. Впрочем, шансы на исполнение желания всё ещё велики, ведь её предложение, скорее всего, будет отвергнуто, в чём Ада практически не сомневалась. Оставив Эльвиру Соломоновну недоумевать над происходящим наедине с собой, она вышла из одной комнаты, чтобы появиться в другой. Предварительно постучав, Ада открыла дверь и зашла. Алина сидела на диване, уставившись в телевизор. На появления незваной гостьи не отреагировала ни словами, ни жестом.

Ада решила не медлить:

– Идём, прогуляемся.

Ответ был озвучен не сразу, после нескольких секунд раздумий над неожиданным предложением:

– Никуда я с тобой не пойду, – отрезала Алина и снова плотно сомкнула губы.

– Тебе, видимо, нравится быть вредной, – начала Ада, не включая эмоции. – Причины у тебя весомые: возраст и воспитание. Если тебе угодно быть именно такой – можешь продолжать в том же духе... Но сейчас сделай так, как хочет твоя бабушка.

– Я тебе уже сказала...

– Я слышала твой ответ, но мне плевать на твои капризы. – Бескомпромиссность в голосе удивила обоих: Алина остолбенела, Ада же не подала виду, но тон сменила. – Идём, с тебя не убудет. И можешь не переживать – вести разговоры

по душам мы не будем. И вообще говорить не будем...

– Говорить нам не о чем.

– Ты права... в каком-то веке. Одевайся, я тебя жду.

Аде пришлось ждать полчаса, пока Алина преодолевала гнев, обиду, сомнения... Пока думала, что надеть и стоит ли вообще идти. Победив внутреннего демона, она вышла к Аде и бабушке. Не произнесла ни слова, демонстрируя внешним видом о готовности пойти на компромисс. Подхватив игру, и став её участниками, двое взрослых молча одобрили и поступок, и наряд. Эльвира Соломоновна проводила Аду и Алину до порога, а после их ухода закрыла дверь и помолилась.

Странная пара – не подруги и не родственницы – отмечали про себя некоторые. Шли девушки невпопад, то отставая друг от друга, то обгоняя, разглядывали свои отражения в витринах, перебежали дорогу на красный свет, но о направлении не спорили. Роли распределились сами по себе: одна из них – ведомый, другая – идёт, куда глаза глядят. Сначала Ада выбирала направление наугад, но потом... Потом ей стало казаться, что её сознание, втайне от неё, следует заранее выбранному маршруту, конечная цель которого не случайная точка на карте, а точный адрес. Заинтригованная, она безропотно подчинялась, ожидая вознаграждения за покладистость. Наградой же должен был стать, по её мнению, маленький приятный сюрприз. Только вот метры пройденного пути увеличивались, ноги стали уставать, а в голове так ни-

чего и не прояснилось. Подумав, что это очередная иллюзия, Ада предложила свернуть на тихую улицу, тем самым решив нарушить чьи-то несогласованные с ней планы.

Магазинчик бижутерии и скромное кафе не вызвали интереса, но мимо книжного магазина Ада не смогла пройти. Ведь это была необычная книжная лавка – она сразу это поняла по вывеске, пусть и с обыкновенным названием, и по витрине с книжками из позапрошлого века. Вот она – награда, принятая с благодарностью. Ада знала: если не зайдёт сейчас, то это уже никогда не случится. Не придёт она нарочно или случайно на безмятежную улицу, о чём будет жалеть – об этом она тоже знала. Поэтому открыла дверь и переступила порог, успев бросить Алине одно единственное: «идём». Девушка от неожиданности замерла на пару секунд, потом, повинувшись, последовала за Адой.

Звон колокольчиков сообщил о посетителях, но никто не торопился на встречу. Оказавшись внутри, Ада осмотрелась, с порога уловив неповторимый запах, знакомый ей слишком хорошо. Небольшое помещение было заставлено стеллажами для книг, и на них почти не было свободного места. Бумажные свидетели ушедших эпох мирно стояли на полках, ожидая своих покупателей. Ада не коллекционировала старинные издания, но, питая к ним особую симпатию, прошлась, прикоснувшись к каждой книге, и это доставило ей удовольствие. А ещё она отметила про себя, что в антикварном книжном магазине уютно и тихо, и спокойно.

Всё казалось таким знакомым, Ада даже подумала, что уже бывала здесь... *Возможно в прошлой жизни* – улыбнулась она, хотя не была уверена, что магазин существовал до её рождения.

– Что тут смотреть? – недоумевала Алина. Она была разочарована, и не собиралась скрывать свои чувства.

– Не уж-то совсем не интересно? – спросила Ада в ответ.

– Одно старьё. – Алина брезгливо поморщила нос, отвернувшись к окну, где её постигло очередное разочарование. Сквозь умышленно заставленные стёкла улица едва просматривалась.

– А я посмотрю, если ты не против... – Ада взглянула украдкой на Алину и быстро добавила: – Я всё равно посмотрю, так что не возмущайся понапрасну.

– Тебе, что, книг мало на работе?

– Достаточно.

– Что же мы здесь делаем? Столько магазинов пропустили, куда стоило зайти... – продолжала возмущаться Алина, пользуясь случаем. Молчаливая прогулка оказалась пыткой, теперь же ей хотелось отыгаться за плохое утро. Но тут вмешалось провидение в лице незнакомого мужчины.

– Ада?! – воскликнул он. – Да ты ли это?

Ада оглянулась. Незнакомец стоял напротив, метрах в двух от неё. Он смотрел удивлённо, даже слишком, от чего Ада захлопнула взятую минуту назад книгу.

– Здравствуй, Ада! – снова заговорил мужчина, не услы-

шав ни слова в ответ. – Ты... ты пришла... Как же я рад тебя видеть!

Ада растерянно скользнула взглядом по кучерявым волосам, по тонкому светло-серому свитеру с тёмной полоской на рукаве, потом по книгам на полках, словно в них заключалась подсказка. Вдруг ей пришло на ум, что это шутка, неудачный розыгрыш, который вот-вот обличат. Иначе невозможно объяснить, откуда совершенно посторонний человек знает её имя и претендует на её расположение.

– ...Вы меня с кем-то путаете... – наконец-то сказала Ада, на что незнакомец отреагировал новым вопросом:

– Ада... Да что ты говоришь такое? – Мужчина поправил очки и добавил с досадой: – Ни с кем я тебя не путаю... Как такое возможно?

– Меня действительно зовут Ада... Но...

Ада запнулась, когда незнакомец направился к ней. Он подошёл вплотную, смотрел в глаза, не давая возможность собраться с мыслями.

– Почему ты так поступила со мной? Почему исчезла, ничего не объяснив? Если я в чём-то виноват перед тобой, могла бы сказать... Ни слуха, ни духа от тебя столько времени. Вот теперь стоишь передо мной, в моём магазине, и делаешь вид, что совершенно меня не знаешь.

Ада сделала шаг назад. Происходящее стало нервировать, и она всерьёз задумалась о побеге.

– Извините, но я вас действительно не знаю.

Схватив Алину за локоть, она потащила её к выходу.

– Ада, подожди... Да что с тобой?

– Ещё раз повторяю: вы меня с кем-то перепутали.

Последнюю фразу Ада бросила, будучи в дверях. Ответ её не интересовал, поэтому дожидаться его она не стала. Покинув книжный магазинчик, она шла быстрым шагом, погрузившись в собственные мысли, от чего забыла об Алине, которую метров двадцать тащила за собой. Вспомнила, когда девушка вырвала руку. Едва обратив на это внимание, Ада шла дальше, иногда оглядываясь. Удостоверившись в отсутствии погони, она свернула на первом перекрёстке, но темп не сбавила, наоборот, всё ещё опасаясь – не понимая, чего – она ускорялась, не замечая, как её спутнице приходилось бежать за ней.

– Я за тобой не успеваю, – простонала Алина.

Только тогда Ада притормозила. Девушка, запыхавшись, остановилась рядом. Не успев перевести дыхание, она спросила:

– Ты его знаешь?

– Нет.

– А он тебя знает. И как тебя зовут – знает.

– Ну и что? – возмутилась Ада. – Он обознался, и точка.

– Пусть так... – согласилась Алина, не собираясь затевать очередной спор.

На закате стены стали давить на виски. Тишина тяготила. Буквы расплывались перед глазами. Не выдержав, Ада отложила книгу и встала с дивана. Покрутилась, посмотрела в разные стороны и подошла к окну. А за ним – потемневшее небо. Рукой до него не дотянуться, лишь, когда нагрянет ночь – можно попробовать... Словно готовясь к таинству, Ада открыла окно настежь..., но, к своему огромному огорчению, не вылетела верхом на метле. Холодный воздух ранней весны ворвался в комнату, развеяв сумеречный дурман. Отравленная его ядом, Ада чуть не поверила в существование своего двойника, вырвавшегося из лампы и разгуливавшего на свободе, выдавая себя за неё. Хорошо, что не поверила, и всё-таки ей стало интересно: какая она, другая Ада? *Другая*... безусловно. В ней ещё не произошли необратимые перемены, и там внутри ещё не умерло что-то... Она ещё ждёт, надеется... На что? Ада устало закрыла глаза, дважды зачеркнув придуманный только что персонаж. Сомнений быть не может: она одна, в единственном экземпляре, и никакой другой жизни не было – за это она ручается.

Закрыв окно, Ада осмотрела комнату. Тени замерли, часы остановились. Все предметы притворились неживыми, чтобы обмануть, успокоить хозяйку, но этим лишь раззадорили её. Она давно заподозрила неладное, и вот теперь, всмат-

риваясь во всё такое знакомое, такое родное, Ада всё яснее стала осознавать эфемерность происходящего. Обман раскрыт, а доказательства... нужно поискать. Неопровержимые улики непременно найдутся, и Ада принялась за дело. Метр за метром, она перевернула всю комнату. Залезла во все углы, во все щели, переставила каждую вещь, каждый листок, забралась туда, куда не заглядывала со времён переезда. Под конец очень устала, но так ничего и не нашла. Поражение не просто разочаровало, оно убило зыбкую надежду, за которую Ада цеплялась как за последний шанс. Присев на диван, она готова была разрыдаться, но вместо этого снова вскочила, быстро оделась и выбежала на лестничную площадку. Закрыла дверь и, не дожидаясь лифта, помчалась вниз. Стук каблуков разлетелся по всему подъезду, по всем этажам, без стеснения нарушая тишину. Перескакивая ступеньки, Ада остановилась только на улице перевести дыхание. И вновь понеслась туда, где должна была найти ключ от всех дверей.

...Прибежала и остановилась. Ни о чём не думала, просто смотрела. Тихая улица в свете жёлтых фонарей выглядела одиноко. Не испугавшись, Ада ринулась вперёд, но пройденные десять метров до антикварного книжного магазина остудили сознание. Вдруг ей подумалось, что можно было подождать до завтра, а, не поддавшись отчаянию, нестись, сломя голову в другую часть города. Но что сделано... Ада не жалела о содеянном, пока шла. Когда остановилась у дверей, дернула ручку и поняла, что опоздала – почувствовала, как

подступает новая волна разочарования. И Ада сдалась в плен без сопротивления, приняв тоску как неизбежность. В её обществе она вернулась домой, под её пристальным надзором проворочалась в постели полночи, и под руку с ней пришла на работу. Рассеянная, задумчивая, она не слушала разговоры девушек, не принимала участия в проектах на будущее, и вообще была очень тихой. В таком настроении её застал Виктор Евгеньевич Ружицкий. Он пришёл именно в тот момент, когда Ада осталась в отделе одна.

– Здравствуйте, Ада... Алексеевна, – громко поздоровался преподаватель.

Ада подняла глаза, но всё равно смотрела мимо.

– Здравствуйте, Виктор Евгеньевич.

– Вы одна? – удивился Ружицкий, покрутив головой.

– Одна. – Ада утвердительно качнула головой. – Но очень скоро это измениться.

– Что вы имеете в виду? – не понял Ружицкий.

– ...Придут остальные сотрудники.

– Ах, это...

– Да, это. А вы о чём подумали?

Виктор Евгеньевич пожал плечами:

– Ни о чём.

– Так что вы хотели?

– ...Хотел... узнать о книге... – напористо начал преподаватель, но оборвав фразу, стал вежливее. – Я вот уже четвертую неделю хожу, спрашиваю одну и ту же книгу, а мне

отвечают, что её нет на месте.

Ада давно привыкла к причудам посетителей библиотеки, поэтому поведение Ружицкого не удивило.

– Я не забыла вашу просьбу: *как только книга появиться – оставить её для вас.*

– Хорошо, что вы не забыли. Но, может...

– Девочки тоже помнят, – перебила Ада привередливого читателя. – Не сомневайтесь.

– Что ж...

Виктор Евгеньевич умолк, не зная, что ещё сказать. В поисках подходящей темы он водил глазами по многочисленным полкам с книгами, по потолку. Прищурился, когда рассматривал дальний плохо освещённый угол, а потом случайно наткнулся на Аду, вернее, заглянул в тёмно-зелёные глаза. Немного усталые, чуть покрасневшие, они выдавали её, рассказывая о бессонной ночи. Но именно это обстоятельство делало её безоружной. В этот момент она не казалась непреступной крепостью, которую не завоевать комплиментами и разговорами на отвлечённые темы. Её прямой открытый взгляд всегда смущал, но сегодня под конец рабочего дня Ада была другой, как показалось преподавателю компьютерной математики.

– Мне вчера на улице вручили флайер... – начал Виктор Евгеньевич, растягивая слова. – Обычно я всю раздаваемую на улицах города макулатуру выбрасываю, но эта листовка меня заинтересовала.

– И что же это? – Вопрос прозвучал безразлично, за что Аде стало совестно. Но собеседник ничего не заметил.

– Приглашение посетить театр... Экспериментальную постановку. Так там написано. – Ружицкий покопался в карманах, нашёл сложенный вдвое флайер, аккуратно раскрыл его и прочитал: – Только вы и герои трёх пьес на расстоянии вытянутой руки. Мм... Предупреждение! – На этом слове он посмотрел мельком на Аду. – Есть возрастное ограничение! – Закончив читать, он так же аккуратно сложил флайер и спрятал в правый карман брюк. – Не хотите ли пойти?

Ада поняла, что её приглашают, но вдруг возникли сомнения – а нуждается ли она в компании стоящего перед ней мужчины?

– Обязательно пойду. Только узнаю, когда...

– ...Пойти со мной...

– С вами? – Ада выразила на лице удивление, потом задумчивость. – Почему бы и нет... – тихо сказала себе и громко спросила: – Когда?

– Сегодня.

– ...Сегодня... Хорошо.

– Встретимся у театра. Начало в восемь.

– У вас уже есть билеты?

– Я забронировал...

Всё-таки удивил.

– Тогда, до вечера.

– До вечера.

Виктор Евгеньевич довольно улыбнулся и вышел. Но только дверь за ним закрылась, как её снова открыли. Зашла Карина. Опустив глаза, она прошла к своему столу и присела. Ада не строила предположений, о чём думала её подчинённая, но, всё же, спросила:

– Что-то случилось?

– ...Нет... – сказала Карина, помолчав. Потом вытащила из сумки зеркальце, посмотрела на своё отражение и спросила невзначай: – Ружицкий заходил?!

– Заходил, – подтвердила Ада. – Ты же видела.

– Да, видела, – чуть ли не огрызнулась девушка. – А что он хотел?

– Книгу. Что же ещё?

– Ну, да... Что ещё он может хотеть? Он такой странный...

– А я думала, он тебе нравится.

– С чего ты взяла? – Карина растерянно улыбнулась. – Во-все нет... Он не может мне нравиться. Он старше на одиннадцать лет...

– Разница в возрасте – помеха любви?

– И с чувством юмора у него проблемы.

– И с самомнением... Да?

– Да. И живёт он с мамой.

– Это действительно большой минус. Но ничего, я думаю, в случае женитьбы эта проблема будет устранена.

– Квартиру купит? – Карина, удивившись, всплеснула ру-

ками. – Не смейся меня. Он столько не зарабатывает.

– Вдруг у него другие источники доходов есть.

– По его скромным костюмам и рубашкам, которые он меняет редко, этого не скажешь.

– А ты, корыстная, оказывается.

Неожиданный вывод Ады обескуражил. И дело не в том, была ли Карина на самом деле меркантильной особой. Удивило, что Ада произнесла это вслух, не боясь задеть.

– Вовсе нет... – вспыхнула Карина. Замолчала, подумала и сказала спустя несколько секунд: – А почему и нет? Разве это преступление – хорошо жить или желать этого?

– Нет. Не преступление. Все так зациклены на материальных благах... И всё-таки Виктор Евгеньевич – не плохой вариант.

– Для некоторых – да.

– Это для кого же? – спросила Ада, но слушать ответ не захотела – уж больно намёк прозрачен. А по-другому и быть не могло: прочитав сидящую перед ней девушку не составляло труда: открытая книга, а мнит себя тайной за семью замками. Смотрит с высоты своих неполных двадцати трёх лет и думает, что весь мир у её ног. Хотя Ада и не ставила всех в один ряд – у каждого по-своему бывает, но и ей когда-то было столько же. Давно уже перестрадала, переболела и выздоровела.

Позволив Карине произнести:

– ...Ну...

Ада ответила за неё:

– Например, для приезжей девушки без собственной квартиры.

– Как я?

– Да.

Карина закинула ногу на ногу, расправила плечи и собрала волосы на правую сторону.

– У меня много поклонников, и все с квартирами. Так что для меня преподаватель какой-то там математики – не вариант. И вообще я не собираюсь работать в библиотеке всю жизнь. У меня другие планы. Нужно было где-то перекантоваться, вот я и оказалась здесь... Расслабилась... Вот думаю, уже пора что-то делать, иначе застряну в этом гадюшнике надолго.

– Ну, на счёт твоего будущего можно не переживать. Ты – девушка целеустремлённая.

– Да, уж... – тут-то Карина и поникла: плечи опустились сами по себе, волосы стали мешать. Убрала их на другую сторону и поставила локти на стол, уперев в них подбородок. – Я вот на днях с однокурсницами встречалась. У всех дела куда лучше моих.

– Приврали, наверное.

– Может быть. Но всё равно не по себе. Год назад, перед окончанием универа, дала себе обещание, что очень скоро у меня будет хорошая работа и завидный жених. Уже март, а у меня ни того, ни другого. – Карина тяжело вздохнула,

и продолжила: – Не знаю, как ты здесь столько лет работаешь? Из года в год одно и то же.

– Ну, почему одно и то же?

– А разве нет? Одна и та же весна, одинаковое лето, осень и зима... Всё по кругу. Вот ты год назад что делала?

– Прошлой весной я... Я... – и Ада умолкла. Задумавшись, она опустила голову и ушла в себя целиком и полностью. Время шло, а ответа не было.

Не понимая, в чём причина молчания, и не собираясь это выяснять, Карина взяла сумку и пошла в подсобку. Не прошло и минуты, как она уже стояла в дверях.

– Ладно, пойду я. Конец рабочего дня, как-никак.

Карина ушла, а Ада продолжала сидеть и удивляться воспоминаниям, которых не было. Сплошная белая полоса на временном отрезке. Не припоминалось совершенно ничего: ни видео, ни фото в папке под названием «прошлогодняя весна». Ни одного мало-мальски значительного события, впрочем, незначительного тоже. Этому странному обстоятельству Ада посвятила всю дорогу домой, пытаясь реанимировать стёртую начисто память. Встревоженная, она сначала не на шутку испугалась, но, в конце концов, решила, что амнезия – результат... усталости и... И больше ничего на ум не шло. Махнув рукой своему двойнику в зеркале, она оделась и вышла.

Вечерний город дышал прохладным воздухом, обвязывался длинными разноцветными шарфами и шумел, шу-

мел... Не прекращая движения, машины и люди, перемешавшись, неслись навстречу друг другу, но проносились мимо, оставшись незамеченными. Беспорядочное, хаотичное настроение освещённых фонарями улиц засасывало против воли, и уже ничего не понимая и не стремясь понять, все, кто попадал в сети наступавшей по всем фронтам городской ночи, подчинялись её воле, теряя иногда не только ориентир, но и себя.

Ада редко гуляла по родному городу в столь позднее время суток, от чего теперь он предстал перед ней совершенно в ином ракурсе. Она с любопытством изучала перемены во внешнем облике знакомых улиц, проникаясь постепенно сумасбродством, царившем повсеместно. Ей захотелось узнать все тайны, спрятанные в тёмных углах. Но, несмотря на огромное желание изучить город вдоль и поперёк, раздувавшееся с каждой минутой до невероятных размеров, Ада стояла на месте, понимая, что не может уйти прямо сейчас. Потом, через полтора часа, если не передумает, преград уже не будет. А пока...

– Здравствуйте, Ада!

Знакомый голос бесцеремонно прервал её наблюдения. Ада обернулась. Перед ней стоял Ружицкий и улыбался. Она тоже улыбнулась, но ничего не сказала.

– Вы давно здесь стоите? – спросил Виктор Евгеньевич, спрятав руки в карманах.

– Нет. Минут пять, не больше.

– Я вот никак добраться не мог, – стал оправдываться Ружицкий. – Пробки, знаете ли...

– Знаю.

– Вы не замёрзли?

– Нет.

Ада взглянула на стеклянные двери театра. Все уже внутри, рассаживаются по местам.

– Пойдём? А то не успеем к началу.

– Да, конечно.

Виктор Евгеньевич развернулся, поспешил к дверям, перескакивая ступеньки. Ада, зная, как поджигает время, всё же не торопилась. Оказавшись у цели, её спутник остановился. Не теряя напрасно времени, он расстегнул пальто, пока ждал, и дверь открыл заранее. В вестибюле им рассказали, куда идти и поторопили – уж пять минут девятого. Ада и Виктор Евгеньевич поднялись на четвёртый этаж, завернули налево, прошли через высокую арку и оказались в небольшом холле, увешанном картинами, возле которых толпились люди – значит, ещё не начали. Человек пятьдесят разместилось на узком пространстве, создавая неприятное ощущение тесноты. Шум от разговоров, в котором невозможно было разобрать ни слова, заполнил оставшееся свободное место. Казалось, двух опоздавших вот-вот вынесет за дверь если не толпа, то надоедливое ожидание, от которого становилось душно. Поёжившись, Ада протиснулась в угол, Ружицки, боясь потерять её из виду, пошёл за ней. Там они и стояли,

пока не открылись противоположные двери в зал, немногим больше холла. Короткое приглашение и толпа ринулась вперёд, стремительно рассаживаясь на стульях, расставленных в два ряда вокруг импровизированной сцены. Ни подмостков, ни занавеси, лишь скудный инвентарь да незнакомые лица на противоположной стороне. Оказавшись в первом ряду, Ада принялась рассматривать пёструю публику, Ружицкий – Аду. Не долго, пока свет горел. Когда стало темно – суеты стало меньше. Потом вспыхнули прожекторы, освещая сцену, и без объявления начался спектакль.

Три представления, разные и по смыслу, и по жанру, и по актёрскому составу, сменяли друг друга, представляя на суд требовательных зрителей разные истории и такие же разные чувства. Короткие эпизоды, вырванные из ненастоящих жизней и сыгранные с театральной правдоподобностью, удивили Аду открытостью. Она не любила излишние сантименты, предпочитая хоть и витиеватую, но логику вычурным чувствам и декорациям, и, всё же, происходящее в шаге от неё умиляло. Закрыв глаза на мелкие погрешности, она с удовольствием погрузилась на полтора часа в трагикомичную, а иногда абсурдную до невозможности жизнь, то смеясь, то незаметно смахивая слезу со щеки, и признавалась себе, что всё-таки очень не хватает ей эмоциональных встрясок и впечатлений.

– Вам нравится? – услышала Ада вопрос. Повернув голову, она поняла, что он адресован ей.

– Да, – коротко ответила Ада. Ей не хотелось отвлекаться, чтобы не пропустить момент или фразу, но Ружицкий заскучал, и это она успела прочесть в его глазах, от чего напряглась.

– Интересно, антракт будет?

– Должен быть.

– Скорей бы.

Перерыв дали после второй пьесы. Зрители с полными карманами эмоций покинули ненадолго зал. Виктор Евгеньевич проводил Аду до лестницы, где она остановилась, демонстрируя нежелание идти дальше. Сбитый с толку её молчанием, Ружицкий не придумал ничего лучше, как сердито заявить, что ожидал большего и от спектакля, и от помещения. Блуждая разочарованным взглядом вокруг себя, он замечал все недостатки старого здания, озвучивая обоснованные претензии вслух:

– Хоть бы сделали ремонт. Стены обшарпанные, потолок в пятнах... А двери! Посмотрите на двери! – воскликнул Ружицкий. – Неужели даже на банку краски нет денег? Я здесь был недавно – в большом зале на втором этаже. Там ещё более-менее прилично. Ремонт... косметический..., штукатурка нигде не отваливается... не то, что здесь, на четвёртом. Прежде, чем приглашать на постановки... экспериментальные, привели бы в порядок здание.

Ада, не собираясь принимать участие в наигранном возмущении, молчала, предоставляя своему спутнику возмож-

ность выговориться. Но, не получив одобрения, Виктор Евгеньевич последовал примеру Ады – умолк, с грустью подумав, что в таком вот молчании скорее всего пройдёт всё антрактное время, а то и весь вечер, но Ада неожиданно сказала, глядя в окно:

– ...Вечерний город совершенно не похож на город при дневном свете. Вы не находите?

Ружицкий тоже посмотрел в окно, но ничего интересного за ним не увидел.

– Не знаю... Никогда не сравнивал... И в будущем не планирую. Мне совершенно не интересно.

– Это из-за искусственного света, – продолжила Ада, словно ничего, из того, что сказал Ружицкий, не услышала. – Он всему придаёт другой вид, зачастую обманчивый. Искажённая реальность...

Преподаватель компьютерной математики снова обратил свой взор на большое окно. И снова ничего, кроме темноты не увидел.

– Не понимаю, о чём вы...

– О тайнах ночной жизни.

– Каких ещё тайнах? – удивился он.

– Не знаю. Я никогда не жила ночной жизнью, и, скорее всего, не буду. Поэтому её секреты для меня так и останутся нераскрытыми.

– Не обманывайте себя, – посоветовал Виктор Евгеньевич снисходительным тоном. – Нет там, за окном, ничего такого,

чего не видно при дневном свете. А тайны, о которых вы говорите, очень просты. Да и не тайны это вовсе. Всего лишь неоправданные риски и ложные представления. Самообман, да и только.

Согласна ли Ада с его словами, Виктор Евгеньевич не мог понять, пока она не сказала:

– ...Наверное, так очень удобно, когда на все вопросы есть чёткие ответы... Когда можешь провести, не задумываясь, жирную линию между хорошим и плохим... Когда точно знаешь, где граница, и не возникает желания переступить её, заглянуть за кулисы... иллюзий, и увидеть все оттенки чёрного...

Поражённый мыслями девушки, которую он до сих пор считал прагматичной и разумной, преподаватель только и смог сказать:

– Зато никакого бардака в голове и путаницы в мыслях.

Одарив Виктора Евгеньевича внимательным взглядом, Ада не удержалась:

– У жизни столько граней, а у мира столько красок. Стоит ли себя так ограничивать?

– По-моему, это оправдание для пороков. – Губы Ружицкого расплылись в улыбке.

– Или стремление стать чуточку мудрее. Возможно, оно обманчиво, а возможно, и нет.

– ...Обманчиво, без тени сомнения.

После завершения трёх пьес, после бурных аплодисмен-

тов, после очереди в гардеробную, Ада и Виктор Евгеньевич оказались, наконец, на улице. Поинтересовавшись, в какую Аде сторону, он так же спросил, далеко ли ближайшая остановка. Где-то на середине пути он предложил продлить вечер и зайти в кафе – поговорить, узнать друг друга лучше. Потом взглянул на часы и умолк. Тогда продолжила Ада:

– Мне завтра рано вставать. Уже десять, а ещё домой добраться нужно...

– Да, понимаю. Ну, ладно, тогда в следующий раз.

– Вы идите, Виктор Евгеньевич. Я почти пришла. Вон моя остановка, – показала рукой Ада.

– Ну, что вы! Я вас провожу...

– Тогда вам придётся делать круг, и совершенно напрасно.

– ... Что ж... – замялся преподаватель. – ... Тогда всего хорошего, Ада... Алексеевна.

– До свидания.

Попрощавшись, Ружицкий развернулся и пошёл в противоположную от Ады сторону. Шёл быстро, не оглядываясь, и скрылся за первым поворотом. Проводив его взглядом до угла, Ада постояла на одном месте, давая себе возможность насладиться вечером. Нет, она не чувствовала разочарования, ведь ничего не ждала. Но сейчас, наедине с собой, вдыхая вместе с воздухом запахи ночного города, она, поддавшись искушению, представляла иную реальность. Как могло быть, если бы на его месте был тот, кто не предлагал бы ей размеренную, рассчитанную до мелочей жизнь со спокой-

ным белесым счастьем, ...или вместо неё была бы девушка без кучи сюрпризов за пазухой. *Тогда бы этот вечер сложился совершенно иначе*, заключила Ада. Но иного не дано...

Аду встретила пустая остановка. Приготовившись к ожиданию, она присела на скамейку и задумалась, не заметив, как рядом кто-то присел. И этот «кто-то» смотрел на неё, не сводя глаз, изучал, внимательно всматривался в каждую линию спрятанного полумраком лица. Когда Ада услышала своё имя, очнулась. Зажмурила глаза, мотнула головой, словно стряхивала оцепенение, и всё же никак не отреагировала, решив, что ей показалось. Но спустя мгновение, снова услышала:

– Ада!

Теперь она знала: не показалось. Ещё до того, как мозг стал анализировать, она повернула голову и уставилась на сидящего рядом. Это был мужчина. При тусклом свете фонаря много не рассмотришь, но запахнутое пальто и недельную щетину разглядеть смогла. А ещё взволнованные глаза. Впрочем, в них Ада прочла не просто удивление – шок, и от этого испугалась. Отодвинулась, на край скамьи, прижав сумку к себе.

– Ты всё-таки не видение... – промолвил незнакомец, пристально всматриваясь в сидящую рядом с ним девушку.

Ада резко встала и отошла. Ей вдруг захотелось позвать на помощь, чего она раньше никогда не делала. Подумав,

решила всё же повременить. Ведь сейчас он поймёт, что ошибся, извинится и исчезнет в неизвестном направлении. Но случилось иначе.

– Скажи мне, почему? Почему? – повторил незнакомец, привстав со скамьи. – Почему ты так поступила со мной?

– Я вас не знаю.

– Что? – не поверил он. – Что ты такое говоришь?

– Да, меня зовут Ада, но это ничего не меняет. Вы мне совершенно незнакомы.

Он не поверил ни единому слову, о чём красноречиво свидетельствовали его глаза.

– Зачем ты так? За что ты меня наказываешь? Если я в чём-то виноват перед тобой – так скажи мне об этом. Мне кажется, я имею право знать.

Но Ада молчала, пребывая в полном замешательстве.

– Не рада меня видеть? – продолжил он, и сам ответил: – Вижу, что не рада... А я ведь тебя искал... Думал, с тобой случилось что-то, иначе объяснить твоё исчезновение не мог...

– Опять... – простонала Ада. – Вы что, сговорились? Подшутить надо мной решили? Но зачем? Какова цель? Что вам от меня нужно?

– Перестань... претворяться, что не знаешь меня. – Он возмущенно затряс головой и отвёл взгляд в поисках отдушины. – Твой поступок... циничен и жесток. Не думал, что ты способна на такое.

– Да я и сама не знала... – увидев приближающийся трамвай, Аде полегчало. – Что ж, мне пора. Надеюсь, больше не увидимся.

Только двери трамвая распахнулись, Ада буквально влетела в вагон, мысленно поблагодарив ангела-хранителя за спасение. Но оглянувшись, поняла, что поторопилась. Незнакомец тоже зашёл в трамвай, но не подошёл к ней. Присев напротив, он принялся за старое – смотрел, изучая. Заговорить не пытался, за что Ада была ему благодарна. И всё же, умышленно пропустив свою остановку, она вышла на той, где фонарей больше, и дороги не такие безлюдные. Как и предполагала, он вышел следом. Трамвай уехал, а они так и стояли на уязвимом расстоянии, как ей казалось.

– Долго ещё вы будете меня преследовать? – спросила Ада раздражённо.

– Давай поговорим, и я уйду.

– Не о чем говорить, – отрезала Ада. – Я прошу вас, оставьте меня в покое. Вы ошиблись – я не та, кто вам нужен.

Он всё понял, и от этого в глазах его застыла беспросветная грусть.

– Я не знаю, что произошло, и почему ты решила порвать наши отношения таким вот образом... Разлюбила, наверное... Теперь я знаю, что ты жива, что у тебя всё хорошо... Я очень рад, что у тебя всё хорошо...

Он хотел ещё что-то добавить, но передумал. Развернулся и пошёл в ночь. Ада ещё десять минут ждала: вдруг вер-

нётся. Но нет, опасения оказались напрасными. Тогда и она развернулась и пошла домой.

Ада лежала в постели, смотрела в темноту и слушала, как крадётся на цыпочках тишина. Вот она уже залезла под одеяло и прильнула, обняла, обвила путами. Как тяжело дышать в её крепких объятьях. А как она смотрит! Душа на изнанку выворачивается под её пронзительным, не знающим пощады взглядом. И не ласкает она – ранит, оставляя кровавые царапины. И всё нашёптывает о неразгаданных тайнах, о той, другой... Ада вздрогнула, когда увидела себя. Стоит рядышком и смотрит так, будто знает о самом главном. *Приснилось*, тут же решила она, но поняла спустя миг, что не спала вовсе. А значит, являвшийся ей фантом – не вымысел. Он преследует её повсюду: дома и на городских улицах, в запутанных снах и наяву. Не убежать от него, не спрятаться в своём стеклянном коконе. Но выход есть: набраться смелости и встретиться лицом к лицу, и, наконец, узнать, о чём молчат её глаза.

Ада встала, как начало светать. Встретив рассвет, она оделась и вышла на улицу. Кружила вокруг да около, одаривая каждого прохожего подозрительным взглядом. Думала: вот сейчас из-за угла выйдет та, другая, подойдёт, встанет на её место, и сама Ада перестанет существовать. И всё, что сбылось, и то, что так и осталось мечтою – всё сотрётся с лица земли вместе с ней, не оставив о себе никакой памяти.

Размышляя над таким жутким финалом своей нелепой жизни, Ада ускоряла шаг, оглядываясь, и резко останавливалась, осознавая, как наивно убежать от судьбы.

Так и не став ничьей тенью, Ада вернулась домой после утренней прогулки. Решила обойтись без завтрака, лишь заварила крепкий кофе. Выпила залпом, не растягивая удовольствие. Так же быстро накинула пальто на плечи, схватила сумку и ушла, не желая наблюдать, как одиночество, расхаживая по квартире, замедляет шаг в пол метре от неё, заглядывает в глаза и заводит длинные бессмысленные монологи с подтекстом. От него-то Ада и сбежала... на работу – больше не куда. А там... заставляла себя улыбаться, когда девочки шутили, и отводила взгляд, предчувствуя неудобные вопросы. Сколько таких накопились за всё время совместной работы, но особенно за последнюю неделю. Вот и не удержалась Лера, спросила:

– Что у тебя случилось?

Ада ответила не сразу, обдумывая, что сказать. И решила ограничиться коротким:

– Ничего.

Но Леру такой ответ не устроил:

– ...У тебя такой вид...

– Какой?

– Печальный, – с сочувствием ответила девушка.

«Печальный» ещё не приговор, утешила себя Ада. Ещё есть, к чему стремиться, вернее, куда падать. Вот когда нач-

нётся нервный тик или беспричинные приступы паники, вот тогда нужно будет бить тревогу. А косые взгляды и застывшее удивление в глазах сотрудниц не повод для беспокойства.

– Всего лишь губы не накарсила...

– По-моему дело не только в этом, – не унималась Лера. – В последнее время ты такая грустная...

– Тебе кажется.

На этом Ада и остановилась, не собираясь рассказывать, в чём же всё-таки дело. Две минуты молчания дали повод полагать, что разговор исчерпан, но Лера всего лишь выжидала момент, и вот он наступил, по её мнению:

– Ты из-за молодого человека не высыпаешься?

– Да, – невозмутимо бросила Ада, озадачив девушку, которая ожидала короткий ответ, но только из трёх букв.

– Значит, Катя права.

Ада вопросительно взглянула на Леру, и та поспешила объяснить:

– Она предположила, что у тебя появился поклонник.

– А что предположила Карина? – Ада решила продолжить разговор и выведать, раз уж случай подвернулся, о чём шепчутся за её спиной.

– ...Карина... решила, что у тебя депрессия. Ну, что ты переживаешь из-за ... – Лера опустила глаза, не зная, как закончить предложение.

– ...Из-за того, что мне тридцать три, а место бойфренда

вакантно?

– Нет, ты не так поняла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.